Анатолий Михайлович БЛЮДИН:

Главное - не потерять в себе человека

Какая, в сущности, смешная вышла жизнь...

- Анатолий Михайлович, немало ульяновцев, попадая в трудные ситуации, вспоминают вас как пример...

- Да бросьте, какой я пример! Многие из нашего поколения состоялись или просто выжили, но подвига в этом нет: у кого как карта легла, кого где застал 91-й год.

- На вас равняются не по рыночным достижениям, а по человеческим качествам. И дело не только в мужестве, связанном с преодолением болезни, а в мужестве признавать свои ошибки.

- В одной песенке есть слова: «Какая, в сущности, смешная вышла жизнь…». Сегодня за многое в прошлом стыдно, но и врать самому себе не хочется.

- Давайте все-таки разберемся с вашим жизненным маршрутом Ульяновск - Москва по порядку.

- Как говорится, «верните меня в прошлое - там было такое счастливое будущее»? Когда я из «сегодня» смотрю в ульяновское «вчера», то оцениваю себя так: радостный щенок. Радость от хорошего в юности была настолько сильна, что отключала разум и объективную оценку того, что происходило вокруг. Вообще, человеческая судьба верстается из трех обстоятельств. Первое - семейное и бытовое наследство. Фактор второй - близкие люди, объясняющие тебе, что такое хорошо и что такое плохо. Третье обстоятельство - пространство и время: ходишь по

Визитка

Родился в 1947 г. в пос. Шерловая Гора Борзинского района Читинской области.

Окончил Ульяновский политехнический институт (1970 г.), Высшую партшколу при ЦК КПСС (1977 г.), учился в Высшей политической школе при Центральном Комитете Компартии Чехословакии, аспирантуре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

В 1970 г. из комитета комсомола УлПИ выдвинут на работу в Ульяновский обком комсомола, который он впоследствии и возглавил. Работал в Научно-исследовательском центре Института молодежи при ЦК ВЛКСМ, в ОАО «Инкомбанк», других структурах. Обстоятельства жизни проявили его личное мужество.

Кандидат философских наук.

В Ульяновске прожил 19 лет. В Москве - с 1982 г. (в 1995-1998 гг. возвращался работать в Ульяновск).

Член Ульяновского землячества с 1997 г.

1978 год. Ульяновск. Когда мы были молодыми...

деревне или столице, в сытые или военные годы...

До 14 лет я жил в маленьком гарнизоне, куда большая жизнь приходила из черного круга - репродуктора, вещавшего со стены. А в 1961 году переехал с родителями в Ульяновск. Переезд оказался потрясением: я впервые увидел трамвай, телефонную будку, легковые автомобили - это была другая цивилизация! Да тут еще Гагарин улетает в космос! Ощущение: ты живешь в лучшем из миров, и впереди тебя ожидает фантастическое будущее.

- Домашние вас в этом не разубеждали?

- Отец и его друзья - молодые офицеры, вернувшиеся с войны живыми. Они, по понятным причинам, искренне тянулись к оптимизму. Новая программа КПСС обещала через двадцать лет бесплатный хлеб и прочий полный коммунизм. Верить или не верить - такой антипартийный вопрос не возникал. Если бы кто-то мог тогда перенестись в 1980 год и открыть, что Хрущев - очередной политический чудак… И сколько их еще будет - таких чудаков…

- Получается, что ваш юный оптимизм был основан на окружающей лжи?

- Нет, это тоже неправда. Не верить, что становится лучше, было нельзя. Ульяновск - и без того для меня верх цивилизации - хорошел на глазах. Это позже, когда я уже пришел в обком ВЛКСМ, год поездил по области, а потом, работая вторым секретарем Заволжского райкома, увидел быт в бараках, мне стало грустновато… Но бараки снесли. Районные центры Николаевка, Новоспасское были без асфальта, а тут строят дороги. Нет, мы все-таки верили в лучшее. Хотя еще пролетарский писатель Горький надеялся, что кто-то на-

пишет «Историю социальной лжи». Многое в жизни строится на ней, но чтобы понять это - надо саму жизнь прожить.

- «Над пропастью во лжи» можно не удержаться… Что, по-вашему, спасает от привычки лгать?

- Литература. Это - верный учитель жизни. Настоящий. Самый умный. В ульяновской школе № 20 была очень хорошая учительница литературы - Галина Александровна Радюхина. Она никогда не призывала наш 10-й «Б» любить книгу, но так рассказывала о прозе, поэзии, появившихся в годы «хрущевской оттепели», так втягивала в обсуждение, что непроизвольно росло желание прочесть как можно больше. Помню, как в пять утра закончил шолоховский «Тихий Дон». И вышел из своей комнаты со слезами на глазах.

- Да, именно в начале 60-х наша страна стала «самой читающей в мире». Но неужели действительность открыли вам советские писатели?

- Они расширили мое понимание происходящего. Есть два среза жизни: тот, что вокруг тебя, и нереальный, выросший внутри из прочитанных литературных страниц. Прибавим к первому второе, и получится реальная картина мира. Когда я уже работал в обкоме, мне посчастливилось - в редакции «Ульяновского комсомольца» был Гена Левин. Этот редактор настолько любил литературу! С его подачи я читал все толстые журналы с произведениями Федора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина, Григория Бакланова, Даниила Гранина... Литературные трагедии крестьянства, книги про сталинскую ложь наложились на мои поездки по селам и сильно отрезвили юношеский идеализм. Но совсем оптимизма не лишили.

Все не так, ребята!

- «Фабрика карьер» - так называл комсомол журналист Леонид Жуховицкий. Окончив политехнический институт, вы легко взбежали по карьерным ступенькам к креслу первого секретаря обкома ВЛКСМ.

- Не могу назвать себя карьеристом. В той работе я был честен и искренне верил в гуманные посылы коммунизма. Кстати, никогда не славил Брежнева - уже понял, что к жизни это не имело отношения. Прежде чем выполнять указания, старался думать.

Вот был лозунг «Политика КПСС - марксизм-ленинизм в действии». Если в то время пройти по обкому и попросить назвать по пять работ классиков, вряд ли кто-нибудь их перечислил бы. А к 1991 году возникло ощущение, что даже в московской «верхушке» мало кто понимал, что же это за явление - марксизм-ленинизм. Но если никто не знает, то что же мы тогда строим?..

В политехе я научными достижениями не блистал, однако усвоил: бессистемная конструкция обязательно рухнет. В 1989-1990 годах появились мои «разрушительные» статьи в «Комсомольской правде». Их обсуждали как минимум 22 миллиона читателей - таков был тираж газеты, и я очень переживал, что некоторые называли меня предателем. Тогдашний главный редактор «Комсомолки» (а впоследствии председатель Государственной Думы) Геннадий Селезнёв проявил незаурядное мужество, предоставляя мне страницы самого популярного издания страны.

- Что же вы такого написали?

- Правду. О том, что комсомол превратился в бюрократического монстра и, если срочно не перестроиться, организации не будет. Это понимали миллионы рядовых комсомольцев, но не хотела слышать верхушка ВЛКСМ.

Когда буквально через год в один день закрылись все райкомы, никто не вышел на улицы, чтобы защитить свою организацию! Кто виноват в развале - агенты ЦРУ? Нет, просто политическая система «партия - комсомол» окончательно рассыпалась от своей нежизнеспособности.

- Мы как-то быстро перескочили через ваш ульяновский период. Неужели было столь неинтересно?

- Как может быть неинтересно, когда ты молод, не согнут пополам, а бегаешь на двух ногах? В комсомоле мы делали немало полезных дел, которые тогда казались большими, но с годами как-то помельчали. Самым ярким было, конечно, строительство Ленинского мемориального комплекса - Всесоюзная ударная комсомольская стройка. 70-е годы вообще начинались на ноте искренне высокой. Большинство из моего поколения мысль о торжестве ленинских идей воспринимало без всякой натяжки: свои оптимистические результаты дал короткий, очищающий всплеск общественной активности 60-х годов. Пять лет на субботниках каждый вкалывал без дураков, в итоге наш Мемориал остался в истории и на земле.

- А что осталось в той вашей личной истории - были же грандиозные слеты, фестивали?

- Остались добрые воспоминания о людях, находившихся рядом: Сергее Марьине и Юре Мишове, Рае Полудневич и Зинаиде Кудиновой, Сергее Ставском и Николае Борисове, Николае Соловьёве и Татьяне Николаевой, Олеге Берлянде и Жене Никифорове…

Что же касается конкретных дел, то мне довелось поработать… на товарища Путина! Дело было так. К 60-летию областной комсомольской организации мы издали книгу документов. В архивах огромное впечатление на меня произвели письма о поволжском голоде, трогательные личные вещи, военные документы. Понял - надо создавать Музей комсомольской славы. Идею поддержал председатель горисполкома Александр Валентинович Иваницкий и подыскал ветхое здание на улице Ленина. Вместе с нашим главным консультантом-краеведом Мирой Мироновной Савич, Юрой Сысуевым, Мишей Федотовым, Витей Лимасовым и другими мы постарались сделать все на совесть. Теперь там - Общественная приемная В.В. Путина. Так что не все бесполезно в нашем прошлом.

- Не спорю, здание до сих пор выглядит основательно.

- Может быть, при других обстоятельствах из меня вообще вышел бы неплохой прораб! Среди наших строек-перестроек - здания для комсомольского горкома и об-

С друзьями и песней по жизни.

ластного штаба студотрядов, для бюро туризма «Спутник». Еще мы поставили на волжском берегу дощатые домики для школьников-туристов, планировали летом привозить ребят со всей области, чтобы с Ульяновском подружились. Не довелось: в нашем лагере разместили мостостроителей, говорят, они до сих пор там живут...

Но, пожалуй, самое полезное дело, которое мне удалось, это «выбить» 15 квартир для комсомольских работников. Тот же Иваницкий и председатель облисполкома Николай Иванович Кохов подучили. Я несколько раз ездил в ЦК и в долгих беседах убедил выделить ульяновцам так называемые «лимиты» на жилье.

- В те годы вы написали книгу под названием «Не потерять человека».

- Эти записки изданы в 1985 году. Тогда я уже перестал быть великим оптимистом: работая над диссертацией, понял, что моя комсомольская десятилетка была великим самообманом. Мы с друзьями искренне хотели сделать что-то хорошее для молодежи, но общая атмосфера чудовищной лжи полностью обесценивала частные устремления. Не потерять человеческое в себе - так мне виделось то, к чему мы все вместе должны стремиться.

- Эту часть нашей беседы на самую больную для вас тему - комсомольскую - хотелось бы закончить цитатой из статьи «Ему можно верить». Вот что писала про вас в апреле 1990 года ульяновский журналист Лариса Шичалина: «У него могла бы получиться совершенно заурядная жизнь. Знаете ли, такая… преуспевающего комсомольского лидера. Прошел все стадии этой карьеры - до первого секретаря обкома ВЛКСМ. В 80-м году случилось несчастье - та самая болезнь, что была у Николая Островского. Бесконечные больницы… Для мно-

гих из нас это стало бы концом. Для Блюдина - новым этапом. Занялся философией. Классики перевернули взгляды. Оказалось, все не так как надо. И начались мучительные поиски пути… Рядом с ним ныть - стыдно. Его дух и воля действуют безотказно».

Куда летим?

- Болезнь давала о себе знать давно, но я ей не поддавался, пока окончательно не слег в Праге. Туда я попал по решению Секретариата ЦК КПСС, направившего меня учиться в Высшую политическую школу при ЦК Компартии Чехословакии. Тему диссертации я обозначил для себя как «Историческое противостояние эгоизма и коллективизма», а официально ее назвали «Формирование коллективистской жизненной позиции». Защищаться надо было на чешском языке. Увы…

- Что было на следующем отрезке жизни?

- Другая жизнь. Новые знания. Новое понимание людей. У меня резко изменился круг общения. В новое время я сформировал для себя модель свободы. И ей следовал. Я не хотел быть начальником, распоряжаться чужими судьбами. Но также не хотел, чтобы надо мной были начальники. Поэтому выбрал «мягкую» профессию - консультант. Предлагал идеи. Если мои «неначальники» соглашались - что-то делали, если нет - нет.

- В ваших словах и статьях много самокритичности, а по результатам всесоюзного социологического опроса, опубликованного в журнале «Собеседник» в 1990 году, ваше имя называлось в ряду тех, кто в СССР влияет на сознание молодежи.

- Это из-за тех, нелицеприятных для многих, статей в «Комсомолке». Я тогда еще не расстался с комсомолом до конца - преподавал в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. 16 января 1990 года дал в «Комсомольской правде» прогноз перед XXI съездом - «О текущем моменте». Призывал вместо ВЛКСМ создать Федерацию союзов свободной социалистической молодежи. Но в ЦК меня «не расслышали».

- Во что вы тогда искренне верили?

- Считал, что слою бюрократии удалось спрятать свое полное неумение управлять обществом, свою интеллектуальную немощь под защиту гуманных коммунистических идеалов. Верил, что, как бы ни хитрили защитники административной системы, безраздельной власти у них уже не будет. В те годы в Москве я часто участвовал в «круглых столах», где смело обсуждались самые трудные проблемы, а в Ульяновске, особенно в СМИ, царила робость - с оглядкой на начальство.

- Кстати, о СМИ. Недавно первый главный редактор вечно оппозиционной «Новой газеты» Сергей Кожеуров, рассказывая о временах ее создания и о роли Михаила Горбачёва, так ответил на вопрос, кому еще, кроме Горбачёва, газета чувствует себя обязанной: «О, таких людей очень много, самых разных. Не буду перечислять, потому что кого-то пропустишь - обидишь. Но одного человека назову обязательно, потому что, если я не назову, может, никто не назовет: из нынешнего состава редакции его, наверное, мало кто помнит, да и не демонстрировал он как-то особо свое участие в наших делах. Так вот, на самом первом этапе нам очень помог и материально, и морально, а мне еще и советами по части бизнеса (я тогда мало что в этом смыслил), Блюдин Анатолий Михайлович. Из комсомольских работников, внутренне либераль-

но настроенных… К моменту, когда мы начали создавать газету, у него в Москве был небольшой бизнес и фонд - «Кадры реформы» назывался. За счет его личных средств, за счет фонда вышло несколько первых номеров «Новой газеты». Он считал, что это целевое вложение средств - именно в кадры реформы. Вскоре он свернул свой бизнес, болел, плохо себя чувствовал, говорил, что давно хотел уехать на родину… Но я думаю, что вливания в нашу газету ускорили этот отъезд».

- Действительно, вместе с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым и Григорием Явлинским я входил в состав редакционной коллегии «Новой газеты». Делали ее мои друзья из расколовшейся «Комсомольской правды». И снова мы все вместе искренне верили в лучшее будущее, надеялись, что ход реформ будет похож на китайский вариант развития. Но у нас в стране к власти пришли мародеры, и надежда, что в ельцинские времена станет лучше, рухнула очень быстро. Двадцать лет моей комсомольской жизни официальные лица признали плохими. Однако вот уже двадцать последующих лет процесс деградации идет более быстрыми темпами, чем в советское время.

1978 год. Члены бюро обкома ВЛКСМ с ветеранами партии у Красного знамени ЦК КПСС.

- Вспомнилась фраза Юрия Бондарева: «Мы самолет перестройки подняли, а куда летим, не знаем».

- Прав был Бондарев. Еще одно впечатление того времени. Весной 1992 года подвозят меня на служебном «Мерседесе» к зданию Госплана (где теперь Госдума), выхожу, а на перекрестке с Тверской выстроилась шеренга старушек. Продают старые скатерти, статуэтки - картинка прямо из 1918 года. Стало отчаянно стыдно… А окончательную точку в политике я для себя поставил, когда в октябре 1993 года танки расстреляли «Белый дом». Понял: будет еще хуже, чем при социализме, страна начнет просто выживать. Вопрос «Куда идем?» остается без ответа.

- Так произошел ваш второй «облом» после коммунистического - рыночный. По приметам, надо ждать третьего…

- Обмануться третий раз по возрасту не дано, не успею. Да и бороться уже бессмысленно. За что? С кем?

- Бороться надо за детей. Кстати, как вы их воспитывали? Какие слова говорите теперь внукам? Наверное, те, что говорили вам родители?

- Помню, как моя мама получала продуктовый паек и часть гречки сразу откладывала, потому что ее можно было обменять на молоко в соседнем селе, да и просто надо было в том же селе кому-то помочь. Она умела сочувствовать, потому что сама пережила голод в войну… Какое воспитание, какие нравоучительные слова? Просто смотришь - и растешь человеком.

- Рядом с вами все эти годы не менее удивительный человек - жена Людмила.

- Это мой главный выигрыш в жизненной лотерее. Моей семейной жизни 40 лет. Наши дети, Илья и Ульяна, давно взрослые люди. Живем внуками, теперь мне почти не важно, какой строй на дворе и кто у нас во власти. Утром - зарядка с внуком. Затем учу его буквам, в шахматы играть, мяч бросать. И стараюсь больше ни на что не отвлекаться.

- Что в вашей нынешней жизни так же устойчиво, как семья?

- Попечительскому совету Ульяновского государственного университета - 20 лет, он еще есть, и мне приятно, что я участвовал в его создании и до сих пор вхожу в состав. В университете был замечательный человек - врач и ученый Олег Павлович Модников. Благотворительный фонд его памяти мы создали вместе с друзьями по комсомолу - Марьиным, Мишовым, Савиновым, Никифоровым. Помогали в Ульяновске онкодиспансеру, хоспису.

- Ваши связи с УлГУ теснее, чем с вашим родным университетом - техническим?

- Так уж случилось, впрочем, новый университет создавали люди из политеха. И Ульяновскому политехническому институту, тоже ставшему университетом, я благодарен за многое. В частности, за то, что в его комитете комсомола мной пройден первый курс управленческой науки, называемой теперь менеджментом. А еще - за многих друзей и за редактора нашей вузовской многотиражки Сергея Тюрина. Он вовлек меня в журналистику и стал очередным литературным наставником.

Общеземные выводы

- Вы общались со многими знаменитостями. Кого из них сохранила ваша память?

- О сути и суете жизни первым меня заставил серьезно задуматься композитор Ян Абрамович Френкель. Дело было так. Весной 1980 года в Ульяновске проходил выездной пленум Союза композиторов

1980 год. В Ульяновск приехали известные всей стране композиторы.

СССР. Среди этой выдающейся музыкальной массы были три лауреата премии Ленинского комсомола - Ян Френкель, Александра Пахмутова и дирижер Юрий Силантьев. Опекать их поручили мне. Едем как-то с Яном Абрамовичем по волжскому мосту, он смотрит на нашу ширь и говорит: «Вырос я на Днепре, а плавать не научился». Помолчал секундочку и продолжил: «Мама всегда говорила «Яша, сначала музыка, все остальное потом!». Еще на несколько секунд задумался и с иронией, как мне показалось, произнес: «А потом, кроме музыки, ничего так и не было». В этих словах я услышал то, о чем тогда еще не догадывался: даже профессиональный успех, всенародная любовь не защищают от горького чувства чего-то несостоявшегося. Почему?.. Я не знал ответа, зато потом много об этом размышлял.

- Это когда вас из Праги увезли на носилках?

- Да, в принципе, и раньше тоже - вопрос-то вечный… В 1978 году мне хотелось скрыть, что уже плохо хожу. Отказался ехать на Кубу, на Всемирный фестиваль молодежи, и потихоньку лег в столичную клинику подлечиться. Лежал и читал - в «Дружбе народов» как раз вышел «Старик» моего любимого писателя Юрия Трифонова. Герой, старый большевик, участник Гражданской войны, в 1972 году (торфяники под Москвой горят) си-

дит на даче и пытается вернуться в прошлое. Видит, какой несправедливой вышла жизнь, как далеко разошлись революционные идеалы и советская действительность, но сам себя пытается обмануть и самооправдаться. Под впечатлением я впервые попробовал «реконструировать» будущее: заглянуть на 20-30 лет вперед, представить, как буду вспоминать то свое время. Задавал себе вопросы, но ответов за месяц так и не нашел.

- Может быть, надо было переехать за границу?

- Не надо обольщаться, в Америке и Европе жизнь не лучше. Люди так же одиноки в своих несчастьях. «Общеземной» вывод таков: лучше заниматься не политикой или бизнесом, а, к примеру, изучением атомов.

- А «общечеловеческий» вывод сделали?

- Я долго считал, что мир наполнен хорошими людьми. Оказалось, всякими. Но мне до сих пор попадаются хорошие. Только выдерживать жизнь им приходится в более худших условиях, чем жили мы: сегодня все труднее не потерять в себе человека.

- За что вы цените землячество?

- За то, что в Москве, кроме семьи, у меня есть родные люди. Несмотря на критику прошлого, общая тональность наших встреч держится на подсознании - какая хорошая жизнь была там, в Ульяновске!..

- В землячестве мне сказали, что вы теперь «обдумываете» жизнь в стихах, что у вас много хороших авторских песен…

- Сочинительство было в «лежачей жизни», надо же было чем-то себя занять! К тому же рифма очень дисциплинирует мысли: все, о чем мы так «просторно» говорили в этом интервью, умещается в одной песне, написанной лет десять назад:

Ну, вот и все: я выбываю из игры,
Чуть отдышался на скамейке запасных,
Теперь на все я посмотрю со стороны,
Порадуюсь успехам молодых.
Они еще дерутся - кто за что,
И гимн побед влечет их, как магнит,
Они еще не знают, что почем,
Что поражения полезнее побед.
Трибуны с каждым годом злей и злей
И требуют побед любой ценой,
Всем надо, чтобы выше и быстрей,
Всех, словно допинг,
греет отблеск золотой…
Кто не успел, кто не сумел, тот - отойди!
Ты - неудачник! Никому уже не мил.
Забыт чудак, который звал: «Не осуди!»,
Который, проигравши, победил.
Моя бы власть, я б проигравшим -
пьедестал!
Взамен распятия -
торжественный гранит.
Пусть разобьется об него девятый вал
Пустых страстей, тщеславья и обид.
Научимся когда-то понимать,
Что золото не то, что лишь блестит,
Цены победы сразу не узнать,
И с награжденьем лучше не спешить…
Цены победы сразу не узнать,
И с приговором тоже - не спеши!